

**Нестор Кукольник**

**Сочинения Нестора  
Кукольника. Романы**

**Том 2**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
Н56

Н56 **Нестор Кукольник**  
Сочинения Нестора Кукольника. Романы: Том 2 / Нестор Кукольник – М.:  
Книга по Требованию, 2021. – 584 с.

**ISBN 978-5-518-09080-4**

**ISBN 978-5-518-09080-4**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



# **ДВА ПВАНА, ДВА СТЕПАНЫЧА, ДВА КОСТЫЛЬКОВА.**

—  
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

## **П Р О В И Н Ц И Я.**

—  
ГЛАВА ПЕРВАЯ.

**ВСТУПЛЕНИЕ ВЪ РОМАНЪ И ВЪ ПРОВИНЦЮ.**

Я вамъ не скажу, высокопочтенный читатель, ни имени губерніи, ни прозванія провинціи, въ которыхъ начался мой романъ: зачѣмъ обременять память вашу географическими свѣдѣніями, которыя теперь уже не свѣдѣнія? Довольно вамъ вѣдать, что романъ мой родился ни въ Москвѣ, ни въ новомъ Питербурхѣ, а въ глубинѣ Россіи, въ густомъ лѣсу, раскинутомъ на пространствѣ многихъ квадратныхъ верстѣ. Опушка лѣса примыкала съ сѣверной стороны къ городскому выгону; большая дорога желтой змѣей вилась по всему выгону и подымалась на небольшую и плоскую возвышенность, на которой простирался городъ. Множество лужъ, пятнами разбросанныхъ по дорогѣ, увеличивало сходство нашего сравненія. На небѣ стояло позднее лѣто; на землѣ — грибная

пора. Въ лѣсу, по обѣ стороны дороги, раздавались разноголосныя *ау!* Черезъ дорогу то и дѣло переходили грибные охотники, то миловидная дѣвушка, то молодой парень, то дворянскій челядонецъ. Почти каждый останавливался по срединѣ большой дороги, оборачивался къ городу; снявъ шапку крестился, кланялся на деревянный соборъ, и уходилъ въ лѣсъ съ поспѣшностью, затягивая свое *ау!* Громче другихъ раздавался звонкій, мужественный голосъ молодого челоуѣка, котораго по одеждѣ нельзя было тотчасъ не признать баринномъ, хозяиномъ и лѣса и людей, собиравшихъ грибы; на немъ былъ охотничій охабень, съ откидными рукавами, перетянутый кожаныиъ лакированнымъ поясомъ; у пояса съ одной стороны висѣлъ широкій ножъ, съ другой фляга, заплетенная въ мелкіе прутья; мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, красиво одѣтый, тащилъ за нимъ порядочную корзину, нагруженную грибами разнаго рода.

— «Тронка!» сказалъ баринъ: «подыми-ка! Вотъ какой грибище сидитъ. Ни дать, ни взять *иля Ильишпа.*»

Пока Тронка снималъ грибъ, очищалъ его отъ моха и напоса, молодой баринъ во все горло кричалъ: *ау, да ау!*

Никто не откликался. Или лучше сказать откликалось много голосовъ, да не слышно было того, котораго ему хотѣлось.

— «Ахъ ты, озорница!» сказалъ баринъ: «а я еще говорилъ ей: на двадцать шаговъ не моги отходить! а она, чай, притворомъ заплуталась; того

и гляди сбѣжитъ; а окажутъ волкъ съѣлъ. — И уже не обняуяоъ онъ сталъ кричать: Маланья, Малаця!

По всему лѣсу раздалось имя Малацыи, только съ прибавкой: Ивановна. Другіе, видно, не смѣли кликать ее иначе... Въ то же время по дорогѣ тащилась не малый обозъ. Разнородныя повозки обнаруживали, что это поѣздъ не мало-важной персоны; первая повозка была колымага; шесть дюжихъ лошадей тащили ее шажкомъ; возмъ шелъ пышкомъ въ польскомъ платьѣ высокій паренъ съ арапникомъ и поведительно наказывалъ молчаніе. Всъ проводники, то есть: кучера и челядинцы съ трепетомъ посматривали на арапникъ, и хранили глубокое безмолвіе. Только и слышавъ былъ стукъ колесъ да копытъ, при медленномъ движеніи поѣзда, весьма незначительный; за поѣздомъ, также шестерка тащила большую бричку, затянутую полотномъ; за нею на четырехъ тройкахъ ѣхала челядь, везли чемоданы, сундуки и прочая. Крики со всѣхъ сторонъ: Маланья Ивановна, Маланья Ивановна! раздались въ лѣсу именно въ то время, когда колымага бережно спускалась въ огромную лужу, разлитую поперекъ всей дороги, такъ, что паренъ съ арапникомъ, долженъ былъ проходить въ бродъ, что онъ и началъ исполнять вмѣстѣ съ лошадьми весьма совѣстливо и осторожно. Но едва раздались крики, какъ изъ колымаги послышался женскій голосъ:

— «Что тамъ такое? Городъ, что ли? А я тебѣ, болванъ, гдворюда: ѣхать шагомъ. Иоспать не дали!.. »

Крики въ лѣсу продолжались... Занавѣска въ колымагѣ отдернулась; и оттуда выглянула голова повязанная платкомъ, и грознаго вида.

— «Что тамъ такое? Ну, я здѣсь; что надо?»

Но грозное и румяное лицо въ минуту поблѣднѣло, когда путешественница замѣтила, что голоса неслись изъ лѣса.

— «Лѣшіе!» вскрикнула она — и спряталась, и задернула занавѣску, и окутала голову въ подушки и перины, которыми колымага была исполнена. Въ бричкѣ произошла та же сцена, съ небольшими перемѣнами; полотно на-скоро отпахнулось; въ отверстіе выглянула голова такого же объема и вида; по голосу только можно было узнать, что въ бричкѣ пребывалъ мужчина.

— «Что за шумъ!» воскликнулъ путешественникъ. «Дамъ я вамъ воеводскій сонъ тревожить!»

Но въ то же мгновеніе, замѣтивъ откуда голоса, воевода поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ...

— «Семень, Вуколь, Евлампій, Андрей, Марфа, «Палашка, творите молитвы, то лѣшіе.»

И воевода сталъ креститься обѣими руками... Лѣшіе! закричало множество голосовъ; посыпались нещадные и неисчетные удары кучерскихъ плетей; лошади понеслись во всю мочь; парень съ арапникомъ, видя, что его оставляютъ на жертву всему сборищу лѣшихъ, съ отчаянья вскочилъ на желѣзную ножку брички и ухватился обѣими руками за полотно; оно рвалось въ рукахъ его; онъ хватался за обручи; и тѣ не выдержали;

въ ужасъ онъ уцѣпился за воеводу; а тотъ за-  
жмурясь кричалъ во все горло :

— «Отпусти душу на покаянье! Со всей провин-  
ции ни алтына не возьму, ни ложки патоки; ужъ  
тогда меня кушай, какъ взятку возьму... Ой, ду-  
шить, душить! Помогите!»

Напрасно! Каждый думалъ о себѣ, даже лоша-  
ди неслись, или лучше сказать несли воеводскій  
повѣздъ, съ курьерскою быстротою. Три или че-  
тыре версты, оставшіяся до города, проскакали  
во весь опоръ и какъ вкопанныя остановились пе-  
редъ постояннымъ дворомъ, саня и поматывая  
ушами. Не успѣли путешественники очнуться, какъ  
уже цѣлая провинція, то есть, весь городъ окру-  
жилъ повѣздъ. Осмѣлясь открыть глаза, воевода  
съ ужасомъ увидѣлъ, что за ноги его всё-еще  
держался гайдукъ Семенъ.

— «Плетей!» закричалъ воевода: «Такъ это ты  
вздумалъ лынаго показывать... Это что! Мы въ  
провинціи! Въехали безъ трезвона, безъ церемо-  
нии! Вотъ я тебя! Вставай!»

И воевода давай тузить Семена, къ общему удо-  
вольствию всей провинціальной публики. Громкій  
смѣхъ стлался по всей площади и привелъ воеводу  
въ чувство; онъ успѣлъ какъ-то освободить  
ноги изъ окоченѣлыхъ рукъ Семена, всталъ, но  
какъ всю бричку наполняли перины, то воевода,  
качаясь на пуховой каедрѣ, возгласилъ тако :

— «Смирно! Дамъ я вамъ смѣяться надъ ва-  
шимъ воеводой!»

Горожане оробѣли; смолкли; одни пустились

бѣжать; другіе, ближайшіе къ сценѣ, повалились въ грязь на колѣни, и низменно кланяясь, жалобно вопили: — Прощенья просимъ, государь воевода; опознались, батюшка, отецъ нашъ родимый!

— «То-тоже!» сказалъ воевода, ободрясь и подбоченясь. «По домамъ! А кто въ четверть часа не будетъ сидѣть дома, или будетъ сидѣть дома, да учнетъ глазѣть въ окошко — весьма будетъ оштрафованъ. По рублю съ рыла! По домамъ!...»

И площадь опустѣла. Провожая бѣгущихъ взорами и довольною усмѣшкой, воевода выползъ изъ брички и подошелъ къ колымагѣ.

— «Меланья Ивановна!» сказалъ онъ тихо.

— «Пришла моя бѣда!» шептала воеводиха: «подбирается.»

— «Меланья Ивановна, да не бойтесь ничего, это я, вашъ супругъ и сожитель, Максимъ Ивановичъ...»

— «Да ужъ если бы ты былъ Максимъ, такъ не я, а ты бы меня боялся; а ты не Максимъ, ты извѣстно кто...»

— «А кто же я, Меланья Ивановна?...»

— «Да я никогда богомерзкихъ словъ не говорю и не говорила; а если и случалось какъ ни есть сказать непутное слово, такъ безъ умысла, видить Богъ, безъ всякаго намѣренія.»

— «Кто объ этомъ говорить; вы такіе благодушные...»

— «Видишь, видишь, какъ подмасливается! Благодушная не благодушная, а такая, какъ и всѣ грѣшныя Еввины внучки.»

— «Такъ подымайтесь, Меланья Ивановна, пока никого на площади нѣтъ.»

— «А ты меня и скушаешь...»

— «Гдѣ мнѣ! И льшій подавится. Да перестаньте же бояться; надо приниматься за воеводство; а скоро и солнце зайдетъ » Съ этими словами воевода собственноручно — отдернулъ занавѣску и Меланья Ивановна, всплеснувъ руками, приподнялась на перипахъ:

— «Батюшки свѣты! Точно! Ты! Максимъ Ивановичъ! Ты, Буруновъ, воевода!... а это наша провинція, что ли? Это наши улицы?»

— «Наши, матушка Меланья Ивановна! Только подымайся проворнѣе. Любопытство заперъ я на замкѣ, окна имъ замазалъ воеводскимъ словомъ, да этотъ порокъ, матушка, пожалуй въ трубу выльзетъ... Такъ поторопись, пока никого нѣтъ!»

— «Да какъ же я потороплюсь? Вѣдь ты знаешь, что я ноги разула; жару боялась, а чулки и башмаки Палашка еще на томъ постояломъ дворѣ, гдѣ ночевали, съ собой унесла. Поди-ка, кликни Палашку...»

Пока Меланья Ивановна обувалась, и оправляла остальной свой дорожный нарядъ, Максимъ Ивановичъ пошелъ на постоянный дворъ языка добыть: справился гдѣ земская контора, гдѣ воеводскій домъ. По счастью хоромы, предназначенныя для жительства воеводы, были близко и стояли внутрь, нѣсколько шаговъ, и поѣздъ сталъ разгружаться. Всѣ сундуки, узлы, кострюли, котлы, перины, подушки, хомуты, словомъ всѣ вещи, включитель-

но съ Меланьей Ивановной и челядинцами, разместились въ осьми такъ называемыхъ *чистыхъ* покояхъ и въ полномъ смыслѣ нечистыхъ кухнѣ, людскихъ, сѣняхъ, каморкахъ, и другихъ разнаго рода и званія шкафикахъ. Чистые покои отъ нечистыхъ отличались тѣмъ, что въ чистыхъ были окна по-шире, но безъ стеколъ; печи на деревянныхъ ножкахъ, и стѣны нѣкогда обиты бумагой съ узорами; но эти провинціальныя обои повсемѣстно были проточены домашними насѣкомыми; отклеились и при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, имѣвшаго свободный входъ въ воеводскія хоромы со всѣхъ сторонъ, производили гармоническій шумъ, подобно тому, когда глубокая осень изъ сухихъ листьевъ стелеть зимъ постельку и ворчить неумолчно. Замковъ у дверей, петель у оконъ, дверецъ и заслонокъ у печекъ, не было. Глядя на эти хоромы, можно было подумать, что тутъ давнымъ-давно не жилали люди. Но это не поражало пріѣзжихъ; одинъ только Максимъ Ивановичъ поглядывалъ на раны въ дверяхъ и окнахъ, и лукаво улыбался. Меланья Ивановна суетилась; ходила взадъ и впередъ по всѣмъ комнатамъ и съ важностью рѣшала: гдѣ быть спальнѣ, гдѣ столовой, гдѣ дѣтской...

— «Да зачѣмъ же дѣтская?» спросилъ Максимъ Ивановичъ.

— «Какъ зачѣмъ?»

— «Да вѣдь у насъ пять дѣтей!»

— «Все одно. А дѣтская пускай будетъ. Такъ и у нашего воеводы было: я ужъ все высмотрѣла. Точь-въ-точь такой же порядокъ будетъ и у меня.»

— «Да зачѣмъ же матушка, когда дѣтей...»

— «Перестанешь ли ты умничать! Вотъ только разсерди меня, дюжину дѣтей заведу, надъ ухомъ тебѣ усажу; писку да крику будетъ на три дома. Каждый сверчокъ знай свой шестокъ; ты управляйся съ провинціей, радѣй о доходцѣ, а хозяйство — мое дѣло. Для бумажныхъ дѣлъ вотъ тебѣ канурка; окно есть, чего больше; а въ хоромы не вступайся! Вотъ ты бы лучше послалъ за комиссаромъ; помнишь, какъ Анна Екимовна за тобой посылала; наказалъ бы ему какой ни есть рухляди поднести; на первый случай хоть бы кровать для меня: а ты ночь проспнешь и на лежанкѣ; да вельѣ бы перекуску какую сладить. Не тратиться же въ своей провинціи на харчевню.

— «Знаешь, и водочки...»

— «Ну ужъ, на первыхъ порахъ тебѣ бы остеречься. Подмѣтятъ, что лакомка, вмѣсто денегъ, станутъ харчами отдѣлываться. За водкой-то можно бы и Семена послать; пусть возьметъ на алтынъ, будто для себя...»

— «Дѣло, жена! Люблю разумную рѣчь. Эй Семень! Подика, возьми косулю; да прежде въ земскую контору зайди, да въ сѣняхъ такъ и гаркни: — Его высокоблагородіе осьмага класса воевода Максимъ Ивановичъ спрашивать изволить къ себѣ земскаго комиссара здѣшняго уѣзда!»

Не прошло и десяти минутъ, какъ на дворъ послышался споръ между голосами, все басоваго разряда...

— «Помилуйте, Иванъ Петровичъ, его высокоблагородіе изволили меня кликать...»

— «Поди ты, Өомка! пусти, я старше, мнѣ и идти прежде. Чинъ чина почитай...»

— «Но вы можете погубить меня; могутъ принять за непослушаніе...»

— «То-то же, Өомка! Слушаться! Посторонись!»

И по тесовому крыльцу закричали тяжкіе шаги тучной персоны. Какъ черная туча своей громовой музыкой наводитъ страхъ и трепеть, такъ голосъ и походка тучной персоны заставила Максима Ивановича невольно застегнуться и поправить рѣдкіе волоса на головѣ, которая къ досадѣ воеводы блистала наготою, а оба парика были подъ спудомъ, въ неизвѣстныхъ ему сундукахъ. Никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій нельзя уже было сдѣлать, потому что персона въ зеленомъ кафтанѣ и преогромномъ парикѣ, пригнувшись въ дверяхъ, бережно вступила въ комнату и остановилась у порога.

— «Что тебѣ, батюшка, надо?» спросила Меланья Ивановна.

Но Максимъ Ивановичъ перебилъ:

— «Не путайся, жена, не въ свое дѣло; это уже мое хозяйство; подлежитъ моему начальству. Ну-ка, батюшка, кто ты и что тебѣ надобно?»

— «Такой-то провинціи, такой-то губерніи, земскій камериръ, то есть надзиратель за сборами, пришелъ по силѣ Генеральнаго Регламента главы XXIV «о комплиментахъ,» господину воеводѣ, яко президенту моему, честь отдать и респектъ учинить...»